

Заметки критика

Театральное искусство эпохи первоначального накопления

Иду в любимый театр на премьерный спектакль. У театра — никого. Холодно: неужели что-то перепутала? Нет, все нормально. Популярны актеры играют. Да и публика наполнила зал. Но за лишним билетиком уже не гонятся.

Театр перестал быть властителем дум и не успел еще стать сердечным, интимным другом. А уж о том, какой ужас охватывает зрителя, в крошечной тьме покидающего театр, я даже говорить не хочу. Жду, когда директора театров, наконец, поймут, что коли среднестатистический зритель в лучшем случае раз в месяц ходит в театр (а вообще-то хорошо, если раз в полгода), то он в состоянии прийти туда и к шести, и к пяти, а в выходные спектакли безусловно надо начинать в четыре, чтобы уже к девяти все сидели за стальной дверью родной квартиры. И не дрожали, пробираясь по темным улицам когда-то любимого города.

Да и ради чего идти на такие муки? Отдохнуть от ужасов теле- и газетных хроник, от лицемерия грязных бомжей. Как хочется спрятаться за кремовые шторы и насладиться покоем и теплом. Посмеяться от души и получить удовольствие от подлинной интеллигентности, от хороших манер и виртуозной игры. Не все же слушать про «Ксюшу в юбочке из плюша» и «Леху, без которого плохо»!

Вот тут-то и начинают расколоться пути театра и зрителя. Их сердца бились в унисон, когда один говорил, а другой внимал эзопову языку. Они вместе перечитывали заново историю своей страны, с болью в сердце вспоминали самые драматические ее страницы. Они вместе заново узнавали себя и окружающих людей, учились видеть жизнь без розовых очков. Но за последние два года наша жизнь и история сделали такой крутой вираж, что прежняя смелость и откровенность стали казаться смешными. Зритель жаждет видеть в нем — театре — островок надежды и стабильности. А театр мечется, сбившись с толку тотальной коммерциализацией. В театрах открываются рестораны, магазины, работают отделения банков. Кажется,

что это временно. Скоро все будет по-другому. Но не очень получается. Мы потихоньку срастаемся с той маской, которую, конечно же, на время нацепили себе на лицо.

Если раньше в интервью с актерами говорили все об искусстве да об искусстве и о положительных героях, то теперь — о пикантных подробностях и маленьких домашних радостях. Как быстро мы подстраиваемся под какой-то мифический — западный, восточный ли образец? И вот вместо обстоятельных рецензий, по которым будущему театроведу легко было бы восстановить спектакль, залихватская заметка. Анализ сменила информация. Скандалы, события, что же выступил, как отметил юбилей, в какой прастинной презентации участвовал. Развязность нынче в ходу. Если и появился бы такой чудак, который согласен девять раз подряд смотреть актера в роли Гамлета, и затем подробно все это описывать, то ни одно печатное издание таким материалом не прельстится. Это вам не девять любовниц описать!

Волею судьбы в конце сезона я посмотрела спектакль «Сорри» и поразились тому, как изменился Караченцов, сколько силы, глубины, страсти в нем! Но некогда да и ни к чему разбирать эту роль и то новое качество, в котором находится артист. Какой удивительный Наполеон в исполнении М. Филиппова — наивный, одержимый ребенок с крупными глазами! (Про Чурикову и Яковлеву, слава Богу, не забывают критики, но не одни же они на сцене!). А С. Яшин в невезучем, несчастливом театре имени Курского вокзала тонко и трепетно поставил Уильямса.

Театр на Покровке (поднимите руки читатели, кто про такую слышал) после замечательных «Трех сестер» (надо сказать, отмеченных прессой) поставил «Месяц в деревне». Но этот театр, до которого неизвестно как добираться, более известен за рубежом.

Как жаждали все свободы! Но оказалось, что она явилась неожиданно. И не совсем такой, как мечталось. Мешали планы и разнарядки. Они исчезли. И

на все лето москвичи и гости столицы остались без единого (!) театра. Только одна или две маленькие студии давали спектакли. А гастролерам приезд в столицу стал не по карману. Детские театры потихонечку превратились в молодежные. Там ставятся хорошие, серьезные спектакли. А мамы мечутся, не понимая, куда же отвести ребенка.

Замечательные актеры играют классические роли в столичных театрах, в лучшем случае попадая в строчку, где перечисляется, что хорошо сыграли в спектакле... И целое поколение актеров прошло неузнанным. Если и снимаются в кино, то их никто не увидит, а телевидению, ставшему, ну, очень передовым, выгоднее в очередной раз прорентализировать какой-то второсортный ширпотреб или сверхдорогой круиз, хотя богатые давно там были, а бедные про это лучше и не говорят. Пестрые и сомнительные персонажи телемузыкальных пауз явно китчевого происхождения. Но вкусы, увы, формируют именно они...

У всех у нас есть знакомые и родственники, которые спрашивают, что посмотреть. И теряются в поисках ответа. Все сублимировалось. Куда исчезли звонкие премьеры, когда замирало сердце и знал: надо обязательно идти, объяснить всем, какое чудо рядом. А сейчас все стало как бы и необязательным. «Было нечего надеть, стало некуда носить!», — писал когда-то Андрей Вознесенский. Театральное событие обесценилось. Наша новая буржуазия предпочитает театру отдых на Гавайях и Багамах или посещение Америки и европейских столиц. На театр драматический денег не жертвуют — это вам не длинноногих «миссок» спонсировать.

Как всегда, самыми прозрачными оказались классики, и не в последней очереди классики драматургии. Все пьесы Островского — о нас, о новой жизни. И пьесы Чехова — о нас. Потому театры жадно за них взялись. Правда, в зале почти не увидишь тех, про кого писано, но мы поражаемся повторяемости истории и ждем, когда Самсоны Силычи превратятся, если не в Щукина, Третьякова и Бахрушина, то хотя бы в Паратова и Кнурова. И все же, все же, все же...

Премьеры объявляются, фестивали проводятся, статьи печатаются. И вернется время, когда от метро будут загода выстраиваться театралы, готовые ради лишнего билетика... Театр не умрет, он просто напросто осознает новую миссию — интимного друга, духовно близкого тем, кто будет, конечно, будет наполнять его залы.

Валентина ФЕДОРОВА.